

О.А. КУЗНЕЦОВА

**магистр частного права,
кандидат юридических наук
(г. Пермь)**

ФИКЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

*Вопрос о фикциях для юриста есть вопрос чести,
вопрос, затрагивающий самое значение и достоинство
той отрасли знания, которой он посвящает свои силы.*

Г.Ф. Дормидонтов

Фикция относится к числу древнейших приемов юридической техники. Получившая признание и широкое распространение еще в римском праве, она активно применяется и современным законодателем. Множество примеров использования юридической фикции можно обнаружить и в российском гражданском законодательстве. Однако глубокое теоретическое осмысление и понимание этой правовой категории в современной российской науке права в целом и в науке гражданского права в частности только начинается.

Термин «фикция» происходит от латинского слова «fictio», означающего выдумку, вымысел, несуществующее, ложное. Как «выдумка» попала в строгое право и место ли ей в юриспруденции? Родиной юридической фикции справедливо считается римское право. Римские источники права содержат множество примеров закрепления не соответствующих действительности обстоятельств в тексте правовой нормы.

Д.И. Мейер, один из первых исследователей фикции как приема юридической техники в римском праве, называя ее вымыслом права, задавался вопросом: «...как случилось, что в холодном и чуждом увлечений римском праве он нашел себе приют и значение?»¹ На наш взгляд, главной причиной появления фикции в Древнем Риме стал фор-

¹ Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытных и притворных действиях // Избранные произведения по гражданскому праву. М., 2003. С. 66.

мализм римского квинритского права и сопровождавшего его легисакционного судопроизводства. В исках заявители должны были с непогрешимой точностью воспроизводить текст законов XII таблиц, лишь в этом случае они получали защиту со стороны суда. Вот каким ярким примером иллюстрирует эту ситуацию Гай: «...если кто-либо отыскивал вознаграждения за поврежденные виноградные лозы, называя их лозами, то отвечали, что он проигрывает иск, т.к. должны были назвать лозы деревьями на том основании, что закон XII таблиц, согласно которому давался иск по поводу срезанных лоз, говорит вообще о подрезанных деревьях» (Гай, 4.11)¹. Несмотря на постоянное усовершенствование, легисакционный судебный процесс отставал от потребностей быстро развивающегося гражданского оборота и препятствовал стабильности экономического и юридического быта Рима. Современному юристу понятно, что требовалось внесение соответствующих обобщающих изменений в закон, устраняющих его казуистичность. Однако, говоря словами Д.И. Мейера, «на то не пришло время, не созрело достаточно право...»². Римляне в соответствии с условиями времени нашли свой путь преодоления догматизма и формализма квинритского права. Известно, что уже в VIII в. до н.э. обозначилась «коренная черта римского процесса – разделение его на подготовительный процесс и судебное разбирательство»³. Подготовительная часть заключалась в выдаче формулы. Деятельность римских юристов включала в себя три направления: во-первых, они давали ответы на юридические вопросы частным лицам; во-вторых, сообщали формулы для заключения сделок; в-третьих, выдавали формулы для ведения дел в суде⁴. Последнее направление деятельности римских юристов и представляло собой подготовительную часть гражданского судопроизводства.

Преторы, судебные магистраты Рима на основании законов Эбуция и Юлия стали выдавать формулу, которая представляла собой «приказ претора судье вынести решение, приняв во внимание указанные принципы, и наделяла судью необходимыми полномочиями по данному де-

¹ Здесь и далее нормы римского права цит. по: Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997.

² Мейер Д.И. Указ. соч. С. 68.

³ Дрожжин В. Правосудие в Древнем Риме // Российская юстиция. 1994. № 10. С. 32.

⁴ См.: Нерсесянц В.С. Правопонимание римских юристов // Советское государство и право. 1980. № 1. С. 84.

пу»¹. Таким образом, появился формулярный судебный процесс, который в значительной степени способствовал развитию и правотворчества, и юриспруденции, ведь «каждая исковая формула представляла собой, в сущности, правовую норму, в ней излагались содержание спора и претензия истца, а также поручение судье обвинить или оправдать»². Среди многочисленных преторских формул особое место занимают формулы с фикцией. Это формулы, которые «содержат указание судье присоединить к наличным фактам определенный несуществующий факт или устранить из них какой-либо факт, а весь случай разрешить по образцу другого определенного случая»³. Формулы с фикцией преодолевали несовершенство квинитского права и, по точному наблюдению Д.В. Дождева, являлись «формой исправления претором гражданского права процессуальными средствами»⁴.

Преторские фиктивные формулы решали три важные задачи.

Во-первых, с их помощью преторы предоставляли защиту требований, которые непосредственно не были предусмотрены законами XII таблиц. В указанном выше примере из Институций Гая претор, по видимому, должен был дать следующую формулу судье: «Рассмотри дело так, как если бы виноградные лозы были деревьями». Подобные фикции примиряли правовую действительность со строгостью формулировок законов XII таблиц.

Во-вторых, иски с фикцией выдавались для защиты требований, вообще неизвестных квинитскому праву, и, как следствие, им не охраняемых. Эти требования вытекали из отношений, которые регулировались преторским правом. Например, тот, кто владел наследством по преторскому праву, не мог утверждать, что ему принадлежит то, что принадлежало покойному, и не мог требовать того, что причиталось последнему. Для защиты интересов такого наследника преторы использовали конструкцию фиктивного наследника: «Если бы в том случае, что Авл Агерий, т.е. сам истец, был бы наследником Луция Тиция, такая-то земля должна была бы принадлежать ему по праву квинитов, то

¹ Дождев Д.В. Римское частное право: Учебник для вузов. М., 1999. С. 198.

² Томсинов А. Юриспруденция в духовной культуре Древнего Рима (классический период) // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1995. № 2. С. 36.

³ Римское частное право: Учебник / Под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М., 1997. С. 59.

⁴ Дождев Д.В. Указ. соч. С. 209.

ты, судья, присуди эту землю А.А.» (Гай, 4.35). На наличие в этой норме фикции указывает Домиций Ульпиан: «Те, кто вводится во владение по эдикту, регулирующему наследование по преторскому праву, не являются наследниками, но ставятся на место наследника по милости претора. А потому, сами ли они вчиняют иски, или им вчиняются иски, имеют место иски, основанные на юридической фикции, при которых они выступают как воображаемые наследники»¹.

Важным средством преодоления строгих рамок квинитского права был Публициев иск, который предоставлялся владельцу вещи, еще не ставшему собственником в силу давности (бонитарному собственнику). Первоначальная формула Публициева иска не сохранилась, известны лишь ее позднейшие редакции. Квинитское право защищало только собственников вещи, поэтому при утрате вещи титульным владельцем оно было бессильно. В этом случае претор повелевал судье рассматривать владельца как собственника вещи, – несмотря на то что срок давности еще не истек, – и разрешить дело по квинитскому праву: «Да назначат мне судью: если раб, которого Авл Агерий купил и который ему передан, должен был бы принадлежать А.А. по праву квинитов, как скоро он провладел бы им в течение года, то ты, судья, осуди ответчика, если же сказанное не окажется, то оправдай его» (Гай, 4.37).

В-третьих, без использования преторских фикций вне правового поля оказались бы лица, не обладающие римским гражданством, поскольку квинитское право не регулировало отношения с их участием. Если иск предъявлялся иностранцем или против него, то претор предписывал судье рассматривать иностранца как римского гражданина (Гай, 4.37).

Преторские формулы с фикцией примиряли старое право с новыми потребностями, вызванными изменениями в жизни. Их существование, по мнению С.А. Муромцева, было обусловлено «несовершенством юридического мышления, по мере развития которого они неминуемо должны терять свое значение»². Действительно, преторские процессуальные фикции, выполнившие свою «миротворческую» функцию, исчезли и из законодательства, и из правоведения. Однако в Древнем Риме

¹ Памятники римского права: Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана. М.: Зерцало, 1998. С. 225.

² Муромцев С. О консерватизме римской юриспруденции (опыт по истории римского права). М., 1875. С. 97.

возникли и фикции иного рода, сохранившие свое значение до сегодняшнего дня как блестящий образец законодательной техники. Это — римские фикции, содержащиеся в нормах материального права. Некоторые из этих норм определялись римскими юристами как фикции. Например, Гай прямо заявлял, что лица, вернувшиеся из вражеского плена, приобретали все прежние права «на основании юридической фикции, как будто бы они никогда не теряли свободы» (Гай, 1.129). Другие правовые нормы, содержавшие положения, не соответствующие действительности, думается, не осознавались римлянами как юридические фикции. Эти материально-правовые фикции до сих пор широко используются законодателями всего мира. Обратимся к этой правовой категории.

В словаре В.И. Даля фикция — это «вещь или дело мнимое, вымысел, плод воображения, морока»¹. В Большой советской энциклопедии фикция определяется как «нечто несуществующее, мнимое, ложное»². С.И. Ожегов трактует фикцию как «намеренно созданное положение, построение, не соответствующее действительности, обычно используемое с какой-либо целью»³.

В юриспруденции фикция впервые предметом специального научного исследования стала в монографии Д.И. Мейера «О юридических вымысле и предположениях, о скрытных и притворных действиях», в которой она называется вымыслом права и определяется как «вымышленное существование факта, о котором известно, что он вовсе не существует или существует в другом виде»⁴. Однако Д.И. Мейер рассматривал фикцию как явление временное, используемое исключительно как средство преодоления формализма римской юриспруденции: «практическая сила вымысла предполагала формализм как условие своей жизни, но юристы рушили его, и он отслужил его службу... и вымысел оказался совершенно лишним приемом в праве»⁵. Д.И. Мейер последовательно отстаивал вывод о невозможности использования фикции в «любом юридическом быту», о ненужности и даже вредности ее в русском праве⁶. Два десятилетия спустя к такому же выводу пришел и Г.С. Мэн,

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1982. Т. 4. С. 534.

² Большая советская энциклопедия. М., 1977. Т. 27. С. 396.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1989. С. 696.

⁴ Мейер Д.И. Указ. соч. С. 54.

⁵ Там же. С. 68.

⁶ См. там же. С. 87, 88.

который считал, что к фикциям относятся «всякие предположения, которыми прикрывают или стараются прикрыть тот факт, что правило закона подверглось изменению, то есть то, что его буква осталась прежней, а применение изменилось»¹. Сходную позицию занял и С.А. Муромцев, рассматривавший фикции как «результат переходного несовершенства» римского юридического мышления².

Еще одним глубоким исследователем фикций и фиктивного в праве стал Г.Ф. Дормидонтов, заслуга которого состоит прежде всего в том, что он реабилитировал значение фикции в праве, считая, что фикция как особый прием юридической техники пережила и формализм древнеримской юриспруденции, и сам Древний Рим, и существует «доселе в законодательствах»³. Причину такого долголетия фикции он видел в том, что «люди, очевидно, не могут все еще обойтись без вымыслов: прямая голая истина часто не дается им или оказывается, по-видимому, им не по плечу, и они прибегают к помощи вымысла, чтобы ей хоть как-нибудь приблизиться или, наоборот, чтобы от нее уклониться»⁴. Наряду с обоснованием значения фикций в праве Г.Ф. Дормидонтов впервые в истории права предпринял попытку научного определения понятия фикции. С его точки зрения, фикция «есть известный прием мышления, состоящий в допущении существующим известного несуществующего обстоятельства или, наоборот, несуществующим существующего, в решении задачи при помощи ложного положения», а юридическая фикция – «тот же прием, допускаемый и даже предписываемый объективным правом»⁵. Определение, предложенное Г.Ф. Дормидонтовым, было взято за основу и многими советскими правоведами – исследователями правовых фикций. Отметим, что понятие правовой фикции как самостоятельное явление в советской юридической литературе практически не рассматривалось. Чаще всего категория фикций исследовалась в советском праве в контексте сравнения ее с другим правовым явлением – презумпцией. Одним из первых послереволюционных ученых, обративших научное внимание на категорию фикции – в части ее сравнения

¹ Мэн Г.С. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. СПб., 1873. С. 21.

² См.: Муромцев С. Указ. соч. С. 97, 100.

³ Дормидонтов Г.Ф. О классификации явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань, 1895. С. 3.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 14.

с презумпциями, – стала В.И. Каминская, которая считала, что при использовании фикции «условно принимается за истину положение, на самом деле заведомо истинным не являющееся, с целью придать ему такой правовой характер, какой оно должно было бы иметь, если бы оно было истинным»¹. В.К. Бабаев считает необходимым рассматривать вопрос о правовых фикциях в двух аспектах: с точки зрения их содержания и как правовой прием, и рассматривает фикцию как «применяемый в праве технико-юридический прием, которым несуществующее положение (отношение) объявляется существующим и приобретает обязательный характер в силу закрепления его в правовой норме»². По мнению А. Нашиц, «сущность приема фикции заключается в искусственном уподоблении или приравнивании друг к другу таких вещей, которые в действительности различны»³. В.А. Ойгензихт, сравнивая презумпцию и фикцию, указывает, что «фикция заведомо неистинное положение принимает за истинное»⁴. К категории фикции обращаются и процессуалисты. Так, И. Зайцев считает, что суть юридической фикции «заключается в том, что определенные юридические последствия закон связывает с заведомо несуществующими фактами...»⁵. В.М. Горшенев впервые обратил внимание на форму, в которой закрепляется в законе несуществующее обстоятельство. Он выделяет фикцию в числе нетипичных нормативных предписаний и определяет ее как «закрепленное в правовых актах и используемое в юридической практике нормативное предписание в виде специфического способа (приема), выражающегося в провозглашении существующими факта или обстоятельства, в действительности не имеющих места»⁶.

В приведенных выше определениях фикции можно выделить три ее главных признака. Во-первых, она провозглашает несуществующие в действительности обстоятельства существующими, т.е. представляет собой заведомую ложь в праве. На этот признак указывается практиче-

¹ Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 44.

² Бабаев В.К. Презумпции в советском праве: Учебное пособие. Горький, 1974. С. 28.

³ Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М., 1974. С. 221.

⁴ Ойгензихт В.А. Презумпции в советском гражданском праве. Душанбе, 1976. С. 16.

⁵ Зайцев И. Правовые фикции в гражданском процессе // Российская юстиция. 1997. № 1. С. 35.

⁶ Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 117.

ски во всех определениях. Во-вторых, в определениях отмечается, что правовая фикция закреплена в правовой норме и является нормативным предписанием. Этот признак указывает на форму правовой фикции. И, наконец, в приведенных дефинициях фикции содержится определение ее значения, роли в правовом регулировании, в частности, говорится, что фикции «используются в юридической практике для защиты частных и общественных интересов» с помощью распространения на «вымышленное явление» необходимого правового режима¹.

Нетрудно заметить, что при наличии перечисленных признаков фикция оценивается как позитивное правовое явление, как особое правовое предписание, способствующее решению стоящих перед законодателем проблем. Он часто умышленно, осознанно закрепляет в тексте нормативно-правового акта положения, противоречащие объективной действительности. В гражданском праве чаще всего такой прием законодательной техники используется при необходимости распространить правовой режим одного правового явления на другое с целью экономии нормативно-правового материала, например, приравнивая в определенных отношениях индивидуальных предпринимателей к коммерческим юридическим лицам, договор контрактации к договору поставки и в некоторых других случаях. Гражданско-правовые фикции также могут восполнять неопределенность в правовых отношениях. Например, благодаря фикции, закрепленной в ст. 46 ГК РФ, днем смерти гражданина, объявленного умершим, считается день вступления решения суда в законную силу. Отдельные гражданско-правовые фикции устанавливаются в качестве мер государственного принуждения за совершение правонарушения: если наступлению условий сделки недобросовестно воспрепятствовала сторона, которой наступление условий невыгодно, то условие считается наступившим (п. 3 ст. 157 ГК РФ). Некоторые фикции гражданского права устраняют недостатки в договорных отношениях, допущенные его участниками: так, если стороны договора аренды не установили порядок, размер и сроки внесения арендной платы, то считается, что они установили порядок, условия и сроки, обычно применяемые при аренде аналогичного имущества при сравнимых обстоятельствах (п. 1 ст. 614 ГК РФ).

Наиболее острым и спорным является вопрос о месте фикций в системе норм гражданского права, который в свою очередь тесно связан

¹ См.: Каминская В.И. Указ. соч. С. 45.

с проблемой структуры и функций правовой нормы. В ходе дискуссии выявились два направления: одни ученые считают правовую фикцию нормой права, а другие не признают за ней свойства последней. Останемся кратко на этой дискуссии.

Классическая теория права рассматривает правовую норму как состоящую из трех элементов: гипотезы, диспозиции и санкции. Гипотеза – это условие, при котором действует норма; диспозиция описывает само правило поведения лица, оказавшегося в условиях, предусмотренных гипотезой; а санкция устанавливает меры ответственности за нарушение предписаний диспозиции. С этих позиций норма права конструируется по следующей схеме: «если – то – иначе», например, «если заключен договор аренды (гипотеза. – *О.К.*), то арендодатель обязан предоставить имущество в пользование арендатору (диспозиция. – *О.К.*), иначе арендатор может потребовать досрочного расторжения договора и возмещения убытков (санкция. – *О.К.*)» (ст. 610, 620 ГК РФ). Однако юристы давно заметили – а не заметить это сложно, – что в праве есть положения, никак не укладывающиеся в эту структуру. К их числу относят: дефиниции, фикции, презумпции, юридические конструкции, преюдиции, сроки¹, цели, задачи, планы², начала, принципы правового регулирования³ и другие правовые явления.

Обнаружение этих правовых явлений в системе права дало основание многим ученым сделать вывод о существовании наряду с нормой права других законоположений. В.М. Горшенев называет их нетипичными нормативными предписаниями, «так сказать, «нестандартного» характера, в которых отсутствуют те или иные свойства, признаки, моменты, объективно присущие классической модели нормы права»⁴. С.С. Алексеев выражает несогласие с термином «нетипичные нормативные предписания» и предлагает их называть «интегративными частицами права, органическими элементами нормативной системы»⁵. В.К. Бабаев определяет их как «исходные законодательные предписания»⁶.

¹ См.: Горшенев В.М. Указ. соч. С. 113–118.

² См.: Голунский С.А. К вопросу о понятии правовой нормы в социалистическом праве // Советское государство и право. 1961. № 4. С. 26.

³ См.: Нормы советского права. Проблемы теории / Под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. Саратов, 1987. С. 159–163.

⁴ Горшенев В.М. Указ. соч. С. 115.

⁵ Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2. С. 51–52.

⁶ Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. С. 179–180.

Рассмотрим аргументы противников отнесения закрепленных в законодательстве фикций и иных нетипичных правовых предписаний к нормам права.

Во-первых, они считают, что с логической точки зрения фикцию никак нельзя считать нормой. Этот вывод проистекает из традиционного взгляда на норму как на определенное правило поведения. Конечно, с таких позиций правовые фикции не есть нормы, так как они не содержат никаких конкретных правил поведения. Однако рассматривать норму только как правило поведения не совсем верно. Слово «норма» происходит от латинского термина «погма» – норма, руководящее начало, правило, образец. С.И. Ожегов определял норму как «узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй» и нормы поведения как разновидности норм¹. В другом словаре русского языка также читаем: «Норма – узаконенное установление, обычный общепринятый обязательный порядок, состояние чего-либо, образец, правило»². Интересно также определение нормы как критерия, на основании которого мы оцениваем те или иные факты или действия³.

Как мы видим из этих определений, норма – это установление, образец, правило, критерий оценки фактов действительности, а не только правило поведения. Все эти определения в полной мере применимы к закрепленным в законодательстве фикциям, поэтому с этих позиций нельзя отказывать фикциям в статусе правовой нормы.

Другая причина отказа в признании статуса нормы права за фикцией состоит в том, что она не имеет классической трехчленной структуры, присущей правовым нормам. На это обстоятельство указывает В.М. Горшенев, который считает трехчленную структуру типичным свойством правовой нормы, а значит, если отсутствует хотя бы один ее элемент, то отсутствует и норма права⁴. По этому вопросу М.Н. Марченко пишет, что «каждая норма определяет правило поведения в неразрывной связи с условиями ее реализации и мерами принуждения к соблюдению; связи этих определений (элементов, атрибутов) правовой

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. С. 419.

² Словарь русского языка: В 4 т. М., 1982. Т. 2. С. 508.

³ См.: Энциклопедический словарь русского библиографического института «Гранат» / Под ред. Ю.С. Гамбарова, В.Я. Железного, М.М. Ковалевской, С.А. Муромцева, К.И. Тимирязева. М., 1934. С. 334.

⁴ См.: Горшенев В.М. Указ. соч. С. 114.

нормы образуют ее структуру: «если – то – иначе»¹. Ему оппонирует Б.И. Пугинский, отмечая, что «затруднения при практическом применении приведенной схемы порождались уже тем, что приходилось признавать существование норм, не имеющих подобного строения»².

С этим трудно спорить. Действительно, «втиснуть» фикцию в грехчленную структуру правовой нормы просто невозможно. А нужно ли это делать? Может быть, вообще невозможно конструирование структуры, пригодной для любых правовых норм. Подчеркнем в связи с этим, что традиционная структура правовой нормы отсутствует также в принципах, задачах, дефинициях, презумпциях, оперативных и коллизионных предписаниях, которые в большом количестве содержатся в российском гражданском законодательстве. Неужели и эти правовые явления следует вынести за пределы категории норм права? Б.И. Пугинский пришел к выводу, что «к норме права неприменимы попытки установления структуры, т.е. совокупности однородных связей частей нормы»³. Думается, что решение вопроса о структуре правовой нормы может быть и не столь категоричным. Анализ правовых норм позволяет сделать вывод о том, что нет единой общей конструкции правовой нормы, однако существование различных правовых норм позволяет говорить о существовании не одной, а нескольких моделей структуры различных норм права.

На наш взгляд, задача исследователя заключается не в том, чтобы отказать правовым фикциям в статусе нормы, а в том, чтобы помочь им его обрести. Для укрепления данного вывода хотелось бы сослаться на слова великого русского цивилиста А.И. Каминки: «Юрист должен всегда тщательно изучать сущность конструируемых им явлений, и когда она не укладывается в традиционные конструкции... не следует теснить их в эти непригодные для них формы или делать в этих формах исправления, которые, нарушая их стройность, в то же время не охватывают и изучаемых явлений. В этих случаях необходимо создавать для них конструкции, которые давали бы полный простор их особенностям»⁴. Что касается фикций, то необходимо прежде всего обосновать структуру этих правовых норм. Структура правовой нормы – это логически согла-

¹ Марченко М.Н. Теория государства и права: Курс лекций. М., 1996. С. 371.

² Пугинский Б.И. О норме права // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1999. № 5. С. 24.

³ Пугинский Б.И. Указ. соч. С. 27.

⁴ Каминка А.И. Очерки торгового права. М., 2002. С. 292.

сованное внутреннее строение, обусловленное фактическими общественными отношениями, характеризуемое наличием взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, реально выраженных в нормативно-правовых актах¹. В отношении фиктивных норм эта задача представляется достаточно сложной. Норма-фикция – это правовая норма, которая закрепляет заведомо не соответствующее действительности положение. При этом в структуре любой фикции следует выделять два элемента: гипотезу (элемент, который содержит условие действия фикции) и диспозицию (элемент нормы, который непосредственно и закрепляет положение, не соответствующее действительности). Попробуем выделить эти элементы в фикции, содержащейся в ст. 46 ГК РФ: «если гражданин объявлен судом умершим (гипотеза. – *О.К.*), то днем смерти такого гражданина считается день вступления решения суда в законную силу (диспозиция. – *О.К.*)». Схема общей конструкции структуры фиктивной нормы такова: «Если А, то В считается С».

Третий аргумент «против» включения фикций в число правовых норм связан с тем, что они не выполняют их традиционных функций (регулирования и охраны общественных отношений) и, следовательно, не подлежат делению на регулятивные и охранительные правовые нормы. В.М. Горшенев выделяет в качестве типичного свойства норм права их представительного-обязывающий характер, они указывают на «взаимобусловленные поведением сторон социальные связи»². Г.Т. Чернобель, исследуя логическую структуру правовой нормы, пришел к выводу, что ее содержание – веление, которое может быть выражено «модусами нормативности» – «разрешено», «требуется», «запрещено»³. Очевидно, что здесь идет речь о классификации правовых норм на управомочивающие, обязывающие и запрещающие. Действительно, нормы-фикции не содержат ни прав, ни обязанностей, ни запретов, однако выполняют в системе права другие функции. В.М. Горшенев отмечает, что нетипичные нормативные предписания имеют субсидиарный вспомогательный характер, обеспечивают стыковку норм права и оптимизацию юридической практики⁴.

¹ См.: Теория государства и права / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 2000. С. 293.

² Горшенев В.М. Указ. соч. С. 114.

³ Чернобель Г.Т. Формализация норм права // Советское государство и право. 1979. № 4. С. 34.

⁴ См.: Горшенев В.М. Указ. соч. С. 115.

Однако вернемся вновь к норме-фикции, определяющей днем смерти гражданина, объявленного умершим, день вступления соответствующего решения суда в законную силу. При отсутствии в законодательстве данной нормы остановилась бы реализация множества разнообразных правоотношений: от гражданских и семейных до трудовых и налоговых. Например, регулятивные и охранительные нормы наследственного права вступают в силу со дня открытия наследства, которым считается по общему правилу день смерти наследодателя. При неизвестности дня смерти и в случае отсутствия указанной фикции наследственное правоотношение не может возникнуть, не могут быть приняты меры по охране наследства, т.е. наследники не могут принять наследство. Невозможно установить и день прекращения брака, а следовательно, другому супругу невозможно реализовать свое право на вступление в новый брак, не нарушив при этом принцип моногамии.

Таким образом, то, что правовые фикции играют определенную роль в правовом регулировании, очевидно. Очевидно и то, что эта их роль не может рассматриваться как выполнение регулятивной или охранительной функции нормой права. Поэтому важно определить место норм-фикций в гражданско-правовом регулировании и гармонично включить их в систему права. Для эффективного правового регулирования необходимо, чтобы система законодательства была упорядоченной, стабильной, способной к самосохранению и саморазвитию. В любой системе есть механизмы, упорядочивающие элементы системы, связывающие их друг с другом. Безусловно, что такой механизм есть и у системы гражданского законодательства, и у системы гражданского права. Он включает следующие элементы: принципы, цели, задачи, презумпции, фикции, преюдиции, дефиниции, коллизионные и оперативные нормы. Справедливо отмечается, что «их цель – обеспечение надлежащего функционирования системы законодательства на этапе реализации нормативных предписаний. На их основе в системе законодательства происходят процессы саморегуляции, самоуправления, обеспечивается функционирование и взаимодействие нормативных предписаний. Применительно к системе законодательства их роль заключается в установлении дополнительных системосохраняющих связей между нормативными предписаниями, а функция, выполняемая ими, является системосохраняющей»¹.

¹ Заец А.П. Система советского законодательства: Проблемы согласованности. Киев, 1987. С. 23–24.

Прав С.С. Алексеев, говоря, что «нормы права не есть некая однородная безликая масса нормативных положений, каждое из которых по своим признакам и особенностям во всем соответствует другим предписаниям», между нормами существует определенное «разделение труда», которое и проявляется в специализированных правовых предписаниях»¹. Ранее эту же мысль высказывал А.Ф. Черданцев: «Право состоит из самых разнообразных норм, между которыми существует «разделение труда», специализация, причем специализация не только отраслевая, но и функциональная»².

Таким образом, за нормами-фикциями следует признать особые специфические функции, не совпадающие ни с предоставлением прав, ни с установлением обязанностей, ни с закреплением запретов, и не являющиеся ни регулятивными, ни охранительными в их строгом значении.

В связи с обнаружением особых функций нетипичных правовых норм С.С. Алексеев предложил классифицировать нормы права на основные, включающие регулятивные и охранительные, и специализированные³. М.И. Байтин и В.М. Баранов впоследствии поддержали это деление правовых норм «по функциональной роли в механизме правового регулирования»⁴. Эта классификация правовых норм приводится и в современных учебниках по теории права⁵.

Важно отметить, что включение правовых фикций в систему гражданско-правовых норм имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Как известно, законодатель оперирует только термином «норма права», никаких иных «нетипичных установлений» он не использует в тексте нормативных актов. Так, одним из оснований для отмены или изменения решения суда в кассационном порядке является «нарушение или неправильное применение норм материального или процессуального права» (ст. 362 ГПК РФ). Аналогичное правило закреплено в ст. 270 и 288 АПК РФ. Если же фикцию не рассматривать как правовую норму, то при ее нарушении или неправильном применении вышестоящая судебная инстанция не сможет отменить или изменить

¹ Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. С. 36–37.

² Черданцев А.Ф. Специализация и структура норм права // Правоведение. 1970. № 1. С. 44.

³ См.: Алексеев С.С. Общая теория права Т. 2. С. 70–72.

⁴ Нормы советского права. Проблемы теории. С. 159.

⁵ См., напр.: Общая теория государства и права: Академический курс: В 2 т. / Под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. Теория права. М., 1998. С. 227.

решение. Такую ситуацию иначе как правовым парадоксом не назовешь. Не следует забывать и того, что «любые доктринальные выводы по результатам исследования правовых норм должны основываться на системе действующего правового регулирования или хотя бы его учитывать»¹.

Итак, закрепленная в гражданско-правовом нормативном акте фикция является специализированной нормой гражданского права, выполняющей особые вспомогательные функции в правовом регулировании и имеющей нетипичную (по сравнению с трехчленной) структуру, состоящую из двух элементов: гипотезы и диспозиции – и конструирующуюся по схеме «Если А, то В считается С».

Существует три способа закрепления не соответствующих действительности обстоятельств в тексте нормативно-правового акта. Выбор тот или иного из них оказывает серьезное влияние на особенности конструкции конкретной гражданско-правовой нормы-фикции. А. Нашиц первой предложила классифицировать фикции в зависимости от способа закрепления неистинного положения в ее тексте². По этому основанию в гражданском праве можно выделить, во-первых, нормы-фикции, приравнивающие понятия, которые в действительности различны; во-вторых, нормы-фикции, признающие реально не существующие обстоятельства и отрицающие существующие; в-третьих, нормы-фикции, признающие существующими обстоятельства до того, как они стали существовать, или если они возникли позже, чем это было в действительности. Структуры каждой из указанных видов норм-фикций будут отличаться друг от друга, указывая на специфические видовые черты, но сохраняя при этом общую конструкцию фикции. Поэтому следует различать общую, родовую структуру гражданско-правовой нормы-фикции и специальные структуры ее отдельных разновидностей.

Нормы-фикции, приравнивающие понятия, которые в действительности различны, наиболее распространены в гражданском законодательстве. Такие фикции в различных целях приравнивают друг к другу объективно различающиеся понятия. Например, приравнивание индивидуальных предпринимателей к коммерческим организациям (п. 3 ст. 23 ГК РФ), обществ с дополнительной ответственностью к общест-

¹ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 2: Договоры о передаче имущества. М., 2001. С. 614.

² См.: Нашиц А. Указ. соч. С. 222.

вам с ограниченной ответственностью (п. 3 ст. 95 ГК РФ), договора контрактации к договору поставки (п. 2 ст. 535 ГК РФ), договора дарения, предусматривающего передачу дара после смерти дарителя, к завещанию (п. 3 ст. 572 ГК РФ), передачи коносамента или иного товарораспорядительного документа к передаче вещи (п. 3 ст. 224 ГК РФ) и др. В литературе нередко указывается на этот вид фикций. Например, отмечается, что п. 1. ст. 169 ГК РФ «распространяет на бездокументарные ценные бумаги правовой режим соответствующих документарных ценных бумаг, если этому не препятствуют присущие им особенности. Используемый здесь прием следует рассматривать как юридическую фикцию»¹. Здесь фикция оказывает неоценимую «услугу» законодателю: экономит нормативно-правовой материал. При отсутствии таких фикций ему пришлось бы повторять одни и те же правила несколько раз. Необходимость в таких фикциях возникает в случаях, когда полное отождествление правовых явлений невозможно. Гражданское законодательство устанавливает для каждого из них особые правила, например, для индивидуальных предпринимателей и коммерческих организаций, для общества с ограниченной ответственностью и для общества с дополнительной ответственностью. Их существенные различия не позволяют установить для них общий, одинаковый правовой режим, иначе отсутствовала бы необходимость в приравнивании и, как следствие, в данной норме-фикции.

Вместе с тем понятия, приравнивающиеся в норме-фикции, должны иметь определенное сходство. Например, в закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» предлагалось даже включить правила, регулирующие деятельность обществ с дополнительной ответственностью и рассматривать их как разновидность первых. В проекте закона содержалось несколько статей, посвященных обществам с дополнительной ответственностью, однако после первого чтения проекта в Государственной думе эти статьи были исключены из его текста как «не относящиеся к предмету данного закона»².

Таким образом, можно сформулировать два правила конструирования гражданско-правовых норм-фикций, приравнивающих одно поня-

¹ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Под ред. О.Н. Садикова. М., 1997. С. 325.

² Суханов Е.А. Закон об обществах с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 1998. № 5. С. 38.

тие к другому. Во-первых, эти понятия должны обладать определенным сходством, иначе приравнивание невозможно. Во-вторых, они должны иметь определенные различия, иначе в приравнивании отсутствует необходимость. Эти правила следует учитывать не только законодателю в качестве правила законодательной техники, но и правоприменителю при разрешении конкретного спора. Например, суд принял решение о прекращении деятельности индивидуального предпринимателя на основании норм о ликвидации юридического лица, руководствуясь при этом нормой-фикцией, приравнивающей индивидуальных предпринимателей к коммерческим юридическим лицам, закрепленной в ст. 23 ГК РФ. При этом суд не учел существенных различий между индивидуальным предпринимателем – гражданином и коммерческим юридическим лицом – организацией. Высший Арбитражный Суд РФ исправил данную ошибку нижестоящего суда, отметив, что «нормы гражданского законодательства о ликвидации юридического лица не могут быть применимы в отношении граждан-предпринимателей в силу особенностей их правового статуса как субъектов предпринимательской деятельности»¹.

Таким образом, недопустимо использование норм-фикций, приравнивающих одно понятие к другому, в сфере различий этих понятий. Приведем пример, иллюстрирующий другое правило формулирования этого вида нормы-фикции. Индивидуальный предприниматель обратился в суд с заявлением о признании недействительным распоряжения премьера правительства г. Москвы «О тарифе на услуги городской телефонной связи» в части установления для предпринимателей повышенного тарифа на услуги связи. Индивидуальный предприниматель считает, что это распоряжение нарушает его право на пользование услугами телефонной связи на равных условиях с другими пользователями – гражданами. В ходе судебного разбирательства было установлено, что согласно распоряжению Правительства Москвы устанавливается одинаковый размер тарифа для индивидуальных предпринимателей и для юридических лиц; для физических лиц тариф установлен в меньшем размере. Поэтому суд не нашел оснований для удовлетворения требования заявителя, сославшись при этом на правило ст. 23 ГК РФ, приравнивающее индивидуальных предпринимателей к коммерческим юридическим лицам². Аналогичным образом должен быть решен вопрос о

¹ Розенталь А. Две большие разницы // Бизнес-адвокат. 2000. № 7.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 10.

распространении норм о публичных договорах на индивидуальных предпринимателей. Согласно ст. 426 ГК РФ публичный договор определяется как договор, заключенный коммерческой организацией и устанавливающий ее обязанности по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг, которые такая организация по характеру своей деятельности должна осуществлять в отношении каждого, кто к ней обратится. Без учета нормы-фикции, содержащейся в ст. 23 ГК РФ, можно было бы сделать вывод, что договор, отвечающий всем указанным признакам, но заключенный индивидуальным предпринимателем, не относится к числу публичных. В законе «Об акционерных обществах» говорится, что акционеры закрытого акционерного общества имеют право преимущественной покупки акций. На вопрос о том, имеют ли они такое право при приобретении акций по договору мены, следует ответить утвердительно, применив норму-фикцию, приравнивающую договор мены к договору купли-продажи.

Из этих примеров видно, что в сфере сходства понятий должна применяться соответствующая фикция. С точки зрения законодательной техники важно учитывать специфику, отличительные черты приравниваемого понятия и указывать на это обстоятельство в тексте гражданско-правовой нормы. Ю. Романец, говоря о возможности приравнивания договора контрактации к договору поставки, пишет: «...наличие в отношениях контрактации признаков, характерных для поставки товаров, позволяет применять к ней те правила, которые не противоречат специальным нормам о контрактации»¹. Наиболее удачно с позиций этих требований сформулирована гражданско-правовая норма-фикция, приравнивающая договор мены к договору купли-продажи: к договору мены применяются соответствующие правила о купле-продаже, если это не противоречит правилам главы о мене и существу мены. При этом каждая сторона в договоре мены признается продавцом товара, который она обязуется передать, и покупателем товара, который она обязуется принять в обмен (п. 2 ст. 567 ГК РФ). Данная фикция была закреплена еще в ст. 255 ГК РСФСР 1964 г. Эта норма иллюстрирует и правоприменительный эффект фикций данного вида. Он заключается в том, что нормативное приравнивание одних понятий к другим позволяет применять правила, регулирующие понятие, к приравненному понятию. В

¹ Романец Ю. Обязательства контрактации в системе гражданских договоров // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2001. № 1. С. 90.

отношении этого эффекта А. Эрделевский применительно к договору мены пишет: «Сходство правовой природы этого договора и договора купли-продажи обуславливает применимость к нему соответствующих норм, касающихся купли-продажи»¹. Аналогичное мнение по этому вопросу высказано и В.В. Витрянским: «Распределение прав и обязанностей между участниками договора мены определяется в соответствии с нормами о договоре купли-продажи, не противоречащими специальным правилам о договоре мены и существованию мены, а поэтому применяемыми к этому договору...»².

Необходимость использования правового режима приравняемого понятия при применении норм-фикций не всегда учитывается в судебной практике. Так, ОАО обратилось в суд с иском к ЗАО о взыскании суммы, составляющей разницу в суммах взаимно поставленной продукции. ЗАО в письме гарантировало поставку труб в счет поставки стиральных машин. ОАО отгрузило машины и предъявило счет на оплату стоимости транспортных услуг по доставке их железнодорожным транспортом. Трубы в обмен на стиральные машины были поставлены, а от оплаты транспортных услуг закрытое акционерное общество отказалось. Арбитражный суд иск удовлетворил, но суд вышестоящей инстанции решение отменил, пояснив, что судом не дана правильная оценка правовым отношениям сторон. Между сторонами заключен договор мены, а к договору мены применяются правила купли-продажи. Законодательством, регулирующим договор купли-продажи, не предусмотрена обязанность какой-либо стороны оплатить доставку товара, ЗАО такие обязательства на себя по договору не брало³. Структура таких норм-фикций выглядит следующим образом: «Если А (гипотеза фикции), то В считается С (диспозиция фикции), если это не противоречит сущности В». При использовании этого вида фикций крайне важно правильно установить гипотезу – условие действия нормы-фикции, поскольку в противном случае приравнивания не происходит.

Этот вид норм-фикций использовался и древними римлянами. Ярким примером такой фикции является распространение действия право-

¹ Эрделевский А. Мена и бартер // Бизнес-адвокат. 2001. № 4.

² Витрянский В. Договор мены // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2000. № 2. С. 131.

³ См.: Постановление ФАС Уральского округа от 16 октября 2001. № Ф09-1956/01-ГК // СПС «Консультант Плюс».

вых норм на еще не родившихся лиц, но находящихся «во чреве»: «...кто находится во чреве, охраняется так, как если бы он находился среди людей...» (Д, 1.5.7). При определении порядка наследования закреплялось следующее положение: «Все, что мы сказали о подназначении невзрослым детям, назначенным наследникам, или лишенным наследства, будет относиться и к родившимся после смерти отца» (Гай, 2.183). Или другой пример. Устанавливая порядок определения гражданства у сына, Гай пишет: «Все сказанное о сыне имеет силу и по отношению к дочери» (Гай, 1.72). Аналогичная норма: «Все, сказанное о патроне, считаем сказанным о сыне патрона, равно как и о внуке и правнуке» (Гай, 3.45).

Во вторую группу гражданско-правовых норм-фикций включены две подгруппы: во-первых, это фикции, признающие реально несуществующие обстоятельства существующими (положительные фикции); во-вторых, фикции, отрицающие существующие обстоятельства (отрицательные фикции).

Так, римские юристы считали, что в законы «как бы включено правило о том, что они касаются тех лиц и тех дел, которые когда-либо являлись сходными» (Д, 1.3.27), т.е. невключенные правовые положения благодаря этой фикции считались включенными в текст закона. Это положительная римская фикция. Структура положительной фикции такова: «Если А, то не-В считается В».

Схема отрицательной фикции конструируется следующим образом: «Если А, то В считается не-В». Отрицательные фикции закрепляют положение, отрицающее реально существующие обстоятельства. Если римский гражданин попал в плен, то он терял все права гражданина. Для устранения такого положения применялась отрицательная фикция, согласно которой такой гражданин рассматривался как никогда не терявший свободу (Гай, 1.129). Приведем примеры других отрицательных фикций римского права. Объявленное решение третейского суда не считается объявленным, если оно произнесено в присутствии безумного или подопечного без опекуна (Д, 4.8.27.5). Если по договору ссуды вещь возвращена в худшем состоянии, то она не считается возвращенной (Д, 13.6.3). Если вещь была продана за цену меньшую, чем цена, указанная в поручении, то эта вещь не считается отчужденной (проданной). Благодаря такой фикции собственнику вещи предоставлялась возможность подачи иска об истребовании этой вещи (Д, 21.3.1.3).

В ГК РФ нередко используются фикции этого вида. В п. 3 ст. 157 ГК РФ содержатся обе подгруппы фикций. Если наступлению условий недобросовестно воспрепятствовала сторона, которой наступление условия невыгодно, то условие считается наступившим. Это положительная фикция: ненаступившее условие считается наступившим. Так, юридическая фирма заключила с ЗАО договор на оказание юридических услуг на представительство в суде, по условиям которого общество обязалось выплатить вознаграждение фирме в течение 7 дней со дня поступления суммы долга от должника. Но вознаграждение не было выплачено. Тогда фирма обратилась в суд. Суд первой инстанции в удовлетворении иска отказал, сославшись на то, что ответчику деньги от должника не поступали, и поэтому срок выплаты вознаграждения не наступил. Однако суд кассационной инстанции нашел выводы суда недостаточно обоснованными. В данном случае исполнение обязательства было поставлено под условие – выполнение обязательства третьим лицом. Но действия третьих лиц зависели и от действий самого ответчика, в частности, от того, какие меры приняты для получения взысканной суммы. Судя по материалам дела, ответчик никаких мер к принудительному исполнению решения не принимал. Дело было направлено на новое рассмотрение с указанием, что суду следует дать оценку действиям сторон применительно к п. 3 ст. 157 ГК РФ¹.

Если наступлению условия недобросовестно содействовала сторона, которой наступление условия выгодно, то условие признается ненаступившим. Здесь мы имеем дело с отрицательной фикцией: наступившее условие считать ненаступившим.

Обязательственное право содержит множество примеров фикций данного вида. Так, в соответствии с п. 3 ст. 405 ГК РФ, если обязательство не может быть исполнено вследствие просрочки кредитора, то должник не считается просрочившим (отрицательная фикция). А кредитор считается просрочившим, если он отказался принять предложенное должником надлежащее исполнение или не совершил действий, предусмотренных законом, иными правовыми актами или договором либо вытекающих из обычаев делового оборота или существа обязательства, до совершения которых должник не мог исполнить своего обязательства (п. 1. ст. 406 ГК РФ). Примером фикции, отрицающей существующие

¹ См.: Постановление ФАС Центрального округа от 29 марта 2002 г. № А64-4597/01-5 // СПС «Консультант Плюс».

обстоятельства, может служить также норма ст. 439 ГК РФ: «Если извещение об отзыве акцепта поступило лицу, направившему оферту, ранее акцепта или одновременно с ним, акцепт считается неполученным». Аналогичная норма-фикция установлена и в отношении акцептанта (п. 2 ст. 435 ГК РФ). Другой пример: если «своевременно направленное извещение об акцепте получено с опозданием, акцепт не считается опоздавшим, если сторона, направившая оферту, немедленно не уведомит сторону о получении акцепта с опозданием» (ст. 442 ГК РФ). В этой норме мы видим сложную гипотезу: суду необходимо установить не только факт опоздания акцепта, но и отсутствие немедленного уведомления оферента о получении акцепта с опозданием.

Нетрудно заметить, что законодатель не всегда использует конструкцию диспозиции в виде «В считается не-В», а применяет и другую форму: «В не считается В». Однако с точки зрения правил логики сущность отрицательных фикций в обоих вариантах использования диспозиции не изменяется. Такая смена структуры диспозиции необходима в некоторых случаях в стилистических целях, для лучшего звучания этого элемента нормы-фикции на русском языке. При отсутствии в договоре существенных условий законодатель в одних случаях устанавливает, что договор «не считается заключенным», например, в отношении договоров продажи недвижимости при несогласовании предмета договора (ст. 554 ГК РФ) и аренды (п. 2 ст. 607 ГК РФ). В других случаях закон закрепляет правило «считается незаключенным», например, при отсутствии условия о цене в договоре продажи недвижимости (п. 1 ст. 555 ГК РФ). Законодатель часто использует и первый вариант структуры отрицательной фикции: «Если А, то В считается не-В». Аукцион и конкурс, в котором участвует только один участник, считается несостоявшимся (п. 5 ст. 447 ГК РФ).

В последнюю, третью, группу гражданско-правовых норм-фикций также включены две подгруппы фикций. Если норма-фикция признает существование обстоятельств до того, как они стали существовать, то она считается опережающей, а если закрепляет положение о том, что обстоятельство возникло позже, чем это было в действительности, то запаздывающей.

Опережающие и запаздывающие фикции используются при регулировании сроков в гражданском праве. В соответствии с п. 3 ст. 192 ГК РФ, если окончание срока, исчисляемого месяцами, приходится на ме-

Фикции в гражданском праве

сяц, в котором нет соответствующего числа, то срок истекает в последний день месяца. В соответствии с этой нормой срок наступает раньше, чем это произойдет в действительности, например, не 30 июня, а 29 июня. Эта фикция относится к числу опережающих, она имеет следующую структуру: «Если А, то В считается раньше В». Примером опережающей фикции может служить следующая норма: с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом срок исполнения возникших до конкурсного производства денежных обязательств и обязательств по уплате обязательных платежей считается наступившим¹. Аналогичная норма содержится в Законе «О банках и банковской деятельности»: с момента отзыва лицензии у кредитной организации считается наступившим срок исполнения обязательств кредитной организации.

Если последний день срока приходится на нерабочий день, то днем окончания срока считается ближайший следующий за ним рабочий день (ст. 193 ГК РФ). Это пример запаздывающей фикции, которая конструируется по следующей схеме: «Если А, то В считается позже В». Другой пример. Если к моменту заключения договора об отчуждении вещи она уже находится во владении приобретателя, вещь признается переданной ему с этого момента, т.е. с момента заключения договора (п. 2 ст. 224 ГК РФ). Запаздывающие фикции используются законодателем для обеспечения деятельности государственных органов. В соответствии с п. 2 ст. 178 АПК РФ изготовление решения в полном объеме может быть отложено на срок до 5 дней. Дата изготовления решения в полном объеме считается датой принятия решения.

Фикцию как прием юридической техники справедливо относят к числу позитивных правовых явлений, поскольку она обеспечивает движение механизма правового регулирования в тех случаях, когда другие правовые средства бессильны. Использование такого приема юридической техники обусловило появление особых норм-фикций. При конструировании и применении норм-фикций законодатель и правоприменитель должны учитывать их нетипичную структуру и особые функции в механизме гражданско-правового регулирования общественных отношений.

¹ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Российская газета. 2002. 2 ноября.